

К. А. Филиппов, С. Св. Волков

М. В. ЛОМОНОСОВ И ЕВРОПЕЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ ДИСКУРС XVIII века:
Г. В. ЛЕЙБНИЦ, Х. ВОЛЬФ, И. К. ГОТТШЕД

К. А. Filippov, S. Sv. Volkov

MICHAÏL LOMONOSOV AND EUROPEAN
SCIENTIFIC DISCOURSE OF XVIII CENTURY
(G. W. LEIBNIZ, CH. WOLFF, J. CH. GOTTSCHED)

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC PRESENTATION

K. A. Filippov, S. Sv. Volkov

MICHAIL LOMONOSOV AND EUROPEAN
SCIENTIFIC DISCOURSE OF XVIII CENTURY
(G. W. LEIBNIZ, CH. WOLFF, J. CH. GOTTSCHED)

Saint-Petersburg
2014

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

К. А. Филиппов, С. Св. Волков

М. В. ЛОМОНОСОВ И ЕВРОПЕЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ ДИСКУРС XVIII века:
Г. В. ЛЕЙБНИЦ, Х. ВОЛЬФ, И. К. ГОТТШЕД

Санкт-Петербург
2014

ББК 81
Ф53

Научный редактор серии проф. *А. С. Герд*

Рецензент

докт. филол. наук, проф. *Е. П. Иванова* (С.-Петербург. гос. ун-т)

Филиппов К. А., Волков С. Св.

Ф53 М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века: Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: научный доклад. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. – 60 с.

ISBN 978-5-8465-1401-0

В докладе рассматриваются факты влияния немецкой научной мысли нового времени на духовный мир великого русского ученого и просветителя М. В. Ломоносова, формирование его научной позиции, особенности словоупотребления.

ББК 81

*Издание подготовлено и осуществлено благодаря финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда:
грант РГНФ № 11-04-206а «Идиолект М. В. Ломоносова
и европейский научный дискурс XVIII в.» (руководитель проф. К. А. Филиппов)
и темы НИИР СПбГУ № 31.38.99.2012 «Европейское Просвещение
и формирование языка гуманитарных наук в России»
(руководитель проф. К. А. Филиппов).*

ISBN 978-5-8465-1401-0

© К. А. Филиппов, С. Св. Волков, 2014
© Филологический факультет СПбГУ, 2014

*В виде Ломоносова Россия стучалась в двери Вольфа
с жаждою науки и знания.*

В. Г. Белинский

Готфрид Вильгельм фон Лейбниц (1646–1716), Христиан фон Вольф (1679–1754) и Иоганн Кристоф Готтшед (1700–1766) – выдающиеся деятели европейского Просвещения, оказавшие непосредственное влияние на развитие не только немецкой, но и русской науки и культуры.

В названных выше именах великих представителей раннего немецкого Просвещения скрывается особый смысл. Незримую связь этих трех замечательных немецких ученых с Михаилом Васильевичем Ломоносовым лучше всего иллюстрирует мысль Исаака Ньютона, давно ставшая афоризмом: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов» («If I have seen further it is by standing on the shoulders of Giants») (Newton 1959: 416).

Научные идеи немецкого Просвещения несомненно были близки М. В. Ломоносову, а в творчестве нашего замечательного соотечественника можно заметить многие черты европейского, в первую очередь немецкого научного дискурса XVIII века, яркими представителями которого выступают Лейбниц, Вольф и Готтшед. Историк науки XVIII века Э. П. Карпеев по этому поводу пишет: «...проучившийся достаточно долго в германском университете Ломоносов овладел большим объемом современных ему естественнонаучных знаний, основанных на рационализме. Рационализмом была пропитана протестантская вера, среди приверженцев которой он пять лет прожил в Германии и общался позже в Академии наук. Вероятно, поэтому в естественных науках Ломоносов был последовательным рационалистом» (Карпеев 2001: 254).

Важная задача исследования обширного наследия Ломоносова – демонстрация того, как отразилась система передовых в то время гуманистических, рационалистических и эмпирических идей европейской науки и культуры, так называемого «лейпцигского классицизма», на формировании мировоззрения М. В. Ломоносова

как ученого и просветителя. Общеизвестно, что русское национальное сознание в XVIII веке испытало могучее воздействие западного рационализма. Глубокое влияние немецкой и латинской научной словесности нового времени на духовный мир Ломоносова, формирование его научной позиции, научные методы, особенности его словоупотребления (терминоупотребления и терминопредварения) до настоящего времени исследованы явно недостаточно. Известную статью А. А. Морозова «М. В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа» (Морозов 1962: 163–196) хочется, однако, исключить из рассмотрения вопроса из-за крайней ангажированности (о досадных опечатках просто умолчим). Заметим, что, характеризуя отношения между профессором Вольфом и студентом Ломоносовым, А. А. Морозов слово *влияние* в тексте статьи упорно берет в кавычки: складывается впечатление, что подлинное назначение статьи – это выполнение особого рода «заказа».

Идеи Просвещения (это слово для нас означает прежде всего приобщение народа к культуре, наукам, искусству и литературе, освобождение сознания народа от всяческих мифов и предрассудков) оказали заметное влияние на исследования в области филологии, прежде всего – риторики и грамматики (следует обязательно добавить лексикографию). При этом под грамматикой в данном случае понимается дисциплина, традиционно причисляемая к так называемым семи свободным искусствам. Как известно, вплоть до XVIII века грамматика рассматривалась в её связи с риторикой и другими науками, которые вместе составляли «семь свободных искусств»: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Вот как определяет грамматику Исидор Севильский в своем трактате «Этимологии»: «Грамматика есть знание, как правильно говорить; это начало и основание свободного письма» (Исидор Севильский 2006: 12). И далее: «Риторика же связана с искусством грамматики. Ведь в грамматике мы учимся науке правильно говорить, а в риторике мы действительно постигаем, каким образом будем выражать те вещи, которым научились» (Исидор Севильский 2006: 67).

Научный проект «М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс» направлен на филологическое изучение фактов отраже-

ния в языке Ломоносова новых для русской культуры представлений, моделей и теорий передовой европейской науки середины XVIII века в целях последующей лексикографизации полученных данных при составлении словаря немецкого языка М. В. Ломоносова. Это обуславливает как *научную новизну* проекта, так и его *актуальность*, тем более что известный современный немецкий философ Юрген Хабермас, обращаясь к эпохе Просвещения, оценивает разработанные просветителями концепции как своего рода «незавершенный проект». По мнению Ю. Хабермаса, работа над осуществлением этого проекта должна продолжаться несмотря на то, что многие ожидания не оправдались. Тем более, как он считает, что в Европе и Америке еще активно работают ученые, которые, являясь как бы «арьергардом» Просвещения, продолжают развивать его основные идеи (Habermas, 1981; Хабермас 1992: 40–53).

Одним из выдающихся учителей Ломоносова стал **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646–1716) – юрист, философ, математик, дипломат, «последний универсальный ученый Германии», как обычно называют его в энциклопедиях и библиографических справочниках. Общеизвестны его выдающиеся научные достижения. В математике важнейшей заслугой Лейбница является разработка (наряду с И. Ньютоном и независимо от него) дифференциального и интегрального исчисления. Им введен математический термин дифференциал (*нем.* Differential). В дальнейшем Лейбниц разработал (1695) формулу для многократного дифференцирования произведения (так называемая формула Лейбница) и сформулировал теорему Лейбница (признак Лейбница) о сходимости знакопеременных рядов (см. Белл 1979). Лейбниц является создателем философской системы, построенной на основе методологических принципов универсальности и строгости философских рассуждений: эта система получила название *монадологии* (на понятии *монады* у Лейбница, Вольфа и Ломоносова остановимся ниже). Ему принадлежит оригинальная теория предустановленной гармонии (*harmonia praestabilita*). Лейбниц задолго до Зигмунда Фрейда привёл доказательства существования подсознания человека. В 1682 году Лейбниц основал научный журнал «*Acta Eruditorum*», сыгравший значительную роль в распространении научных знаний в Европе: в этом

журнале были помещены статьи по многим отраслям знаний, преимущественно по юриспруденции, философии, механике и математике. Главный принцип научной методологии Лейбница – *искать ясности в словах и пользы в вещах* – стал главным принципом филологических исканий ученых XVIII века (см. Winter 1968).

Г. В. Лейбницу принадлежат многочисленные прикладные проекты. Он, например, изобрел одну из первых счетных машин, которая была способна складывать, вычитать, умножать, делить, возводить в степень и извлекать корень (копию этого уникального научного прибора можно увидеть в Немецком музее шедевров естествознания и техники (Deutsches Museum von Meisterwerken der Naturwissenschaft und Technik) в Мюнхене. Придуманые им особого рода валик и подвижная каретка легли в основу всех последующих арифмометров. Во время службы у ганноверских герцогов Лейбницу уже не как философу, а как инженеру и изобретателю пришлось уделить внимание проблеме откачки воды из рудников Гарца: в результате он предложил несколько проектов водоотливных машин и насосов («Протогея», 1691), о чем было хорошо известно М. В. Ломоносову (см. раздел «О машинах, которыми из рудников воду выливают» в «Первых основаниях металлургии или рудных дел» (АПСС 5: 455-458).

В просветительских планах Лейбница важное место занимала Россия – как путь в Китай и Японию, как источник новых географических, минералогических, биологических, этнографических и лингвистических фактов, как связующее звено между великими цивилизациями – европейской и азиатской. В течение 20 лет заочно, в форме посланий, и трижды при личных встречах Лейбниц в прямом смысле этого слова поучал и наставлял Петра I, какими путями следует внедрять образование и науку в России (Копелевич 1999: 47). За это он был награжден титулом тайного советника юстиции и пожизненной пенсией. Лейбницу, между прочим, принадлежит идея создать в России химическую лабораторию, что было осуществлено только в 1748 г. благодаря упорству и настойчивости М. В. Ломоносова. В письмах Лейбница к Петру I говорится о вполне актуальных сегодня проблемах: школьном деле, университете и высшем научном учреждении («коллегии» или «академии»),

необходимости сбора полезных сведений о природе и истории страны, организации научных экспедиций в отдаленные части России, подготовке новых атласов, учебников, словарей, энциклопедий (см. об этом подробнее Копелевич 1977: 33–37).

Весьма значителен вклад Г.В. Лейбница в лингвистику. В области теории языка чаще всего упоминаются две работы Лейбница, написанные на немецком языке: «Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben», написанная в 1683 году (Leibniz 1983: 47–78) и «Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache», написанная в 1697 году (Leibniz 1983: 5–46).

Исследователи творчества Лейбница, как правило, обращают внимание на то, что подавляющее большинство научных текстов ученого написано на латыни или на французском языке. К тому же обе работы Г.В. Лейбница на немецком языке были напечатаны значительно позже их создания: «Unvorgreifliche Gedanken» – в 1717 году, «Ermahnung an die Deutschen» – только в 1846 году. Вероятно, эти обстоятельства послужили основанием для вывода о том, что, как полагают некоторые исследователи (в том числе и немецкие), два вышеупомянутых немецкоязычных текста Лейбница не оказали какого-либо заметного влияния на научную жизнь Германии XVIII века.

С таким выводом трудно согласиться, если принять во внимание всю палитру научных интересов Лейбница. Знаменитая фраза «Язык есть зеркало разума» (*ein Spiegel des Verstandes*) стала ключевой для понимания его позиции в области языка. А ведь именно с неё начинается его работа «Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache» (Leibniz 1983: 5).

В этой работе представлено понимание Лейбницем знакового характера языка (см. § 5): «Однако при использовании языка особо нужно отметить то, что слова являются знаками не только мыслей, но и вещей, и что знаки нам нужны не только для того, чтобы сообщить наше мнение другим, но и помочь самим нашим мыслям». Другими словами, Лейбниц обращает внимание не только на коммуникативную функцию языка (быть средством общения), но и на когнитивную функцию (быть средством формирования мысли):

«5. Es ist aber bei dem Gebrauch der Sprache auch dieses sonderlich zu betrachten, dass die Worte nicht nur der Gedanken, sondern auch der Dinge Zeichen sind, und dass wir Zeichen nötig haben, nicht nur unsere Meinung andern anzudeuten, sondern auch unsern Gedanken selbst zu helfen» (Leibniz 1983: 6)¹.

В работе «Unvorgreifliche Gedanken» немало положений, сохраняющих свое значение до настоящего времени. Так, при решении вопроса об одной из актуальных (до сих пор!) проблем языкознания – соотношении между лексикой и грамматикой – Лейбниц отдает явное предпочтение первому компоненту – слову. Правда, его подход к слову отмечен «математическим смыслом». В концепции Г. В. Лейбница слова – это «разменные монеты» (*Rechen-Pfennige*), «векселя разума» (*Wechsel-Zettel des Verstandes*), используемые вместо образов и вещей (7. Daher braucht man oft die Worte als Ziffern oder als Rechen-Pfennige anstatt der Bildnisse und Sachen, biss man stufenweise zum Fazit schreitet und beim Vernunftschluss zur Sache selbst gelangt. Woraus erscheint ein wie Großes daran gelegen ist, dass die Worte als Vorbilde und gleichsam als Wechselzettel des Verstandes wohl gefasst, wohl unterschieden, zulänglich, häufig, leichtfließend und angenehm sind (Leibniz 1983: 7)).

Таким образом, в этой работе мы впервые открываем для себя одну из отличительных черт языковой концепции Лейбница – приоритет слова перед грамматикой. В § 32 работы «Unvorgreifliche Gedanken» он прямо говорит о том, что «основа основ языка, так сказать, – это слова, из которых выражения произрастают подобно плодам» (32. Der Grund und Boden einer Sprache, so zu reden, sind die Worte, worauf die Redensarten gleichsam als Früchte hervor wachsen (Leibniz 1983: 17)).

Отдаваемый Лейбницем приоритет слова перед грамматикой легко объясним: в процессе становления единого немецкого литературного языка на первое место выходит формирование словарного состава языка. Лейбниц сам говорит о приоритете лексики над

---

¹ Здесь и далее все переводы с немецкого языка выполнены проф. К. А. Филипповым.

грамматикой в § 109, подробно разбирая пример с различием значений слова *Urtheil* с артиклем женского рода или артиклем среднего рода *die Urtheil /das Urtheil*. Этот параграф он заканчивает словами: «Я оставляю это (решение) будущим полномочным учреждениям вместе со многими другими подобными вопросами, которые могут немного подождать и которые безо всяких опасений можно отложить в долгий ящик» (*Ich überlasse es künftiger Anstalt mit vielen andern dergleichen Fragen, welche endlich ohne Gefahr etwas warten und auf die lange Bank geschoben werden können* (Leibniz 1983: 43)).

Лейбниц четко сформулировал свои предложения по организации и формированию будущего словаря немецкого языка. Во-первых, он указал, какие лексические единицы должны быть подвергнуты тщательному лексикографическому анализу: «*Woher dann folgt, dass eine der Hauptarbeiten, deren die deutsche Hauptsprache bedarf, sein würde eine Musterung und Untersuchung aller deutschen Worte, welche, dafern sie vollkommen, nicht nur auf diejenige gehen soll, die jedermann braucht, sondern auch auf die, so gewissen Lebensarten und Künsten eigen. Und nicht nur auf die so man Hochdeutsch nennt, und die im Schreiben jetzt allein herrschen, sondern auch auf Plattdeutsch, Märkisch, Obersächsisch, Fränkisch, Bayrisch, Österreichisch, Schwäbisch, oder was sonst hin und wieder bei dem Landmann mehr als in den Städten bräuchlich*» (Leibniz 1983: 17)².

Во-вторых, при описании словарного состава немецкого языка Лейбниц предлагает использовать не один общий словарь, а три вида отдельных словарей:

---

² «Отсюда следует, что одна из главных задач, в реализации которых нуждается немецкий литературный язык, – это, вероятно, изучение и тщательное исследование всех немецких слов. К обследованию необходимо привлечь не только обиходные слова, но и слова, свойственные различным ремеслам и искусствам. И не только те, которые называются литературными и которые сейчас единственно главенствуют при письме, но и слова из нижненемецкого, бранденбургского, верхнесаксонского, франкского, баварского, австрийского, швабского диалектов, в общем, всего того, что более обиходно в деревне, нежели в городах».

- словарь обиходных слов («*vor durchgehende Worte*» *Sprachbrauch*, Lexicon);
- терминологический словарь («*vor Kunst-Worte*»; «*Sprach-Schatz oder cornu soripae*»);
- словарь устаревших слов и диалектизмов (*Glossarium oder Sprachquell* (Leibniz 1983: 18).

В третьих, Лейбниц подробно останавливается на том, как должен быть организован словарный регистр при систематизации лексики. В § 77 он пишет: «Прежде чем я завершу раздел о богатстве языка, хочу упомянуть, что слова или названия всех вещей и явлений следует поместить в регистр двояким образом: по алфавиту и по природе (вещей). Первый способ свойствен лексиконам или толковым словарям, и он наиболее употребителен. Второй способ свойствен словарям знаменательных слов и построен согласно типам вещей»: «77. Ehe ich den Punkt des Reichtums der Sprache beschließe, so will erwähnen, dass die Worte oder die Benennung aller Dinge und Verrichtungen auf zweierlei Weise in ein Register zu bringen: nach dem Alphabet und nach der Natur. Die erste Weise sind die der Lexika oder Deutungsbücher, und am meisten gebräuchlich. Die andere Weise ist die der Nomenklatoren oder Namenbücher und geht nach den Sorten der Dinge» (Leibniz 1983: 33).

Не менее привлекали внимание Лейбница проблемы возникновения и взаимодействия языков – того филологического учения, которое мы сейчас называем сравнительно-историческим языкознанием (индоевропеистикой): еще задолго до Т. Янга, Ф. Боппа, и А. Шлейхера он одним из первых заметил и обосновал историческую близость европейских языков, а также предложил первую их генетическую классификацию. В своем знаменитом труде «Новые опыты о человеческом разумении» (1703–1704), написанном в виде изящного диалога между двумя просвещенными европейцами – Теофилом (букв. *любящим Бога*) и Филалетом (букв. *любящим истину*), Лейбниц пишет: «все эти языки < британский, галльский и германский. – Авт. > происходят из одного и того же источника и могут рассматриваться как различные видоизменения одного и того же языка» и далее: «чтобы охватить также происхождение как кельтского и латинского, так и греческого, имеющих много общих

корней с германскими или кельтскими языками, можно было бы предположить, что родство это объясняется общим происхождением всех этих народов» (Лейбниц 1983: 281). Кроме того, называя человеческий язык самым древним памятником человеческой цивилизации, Лейбниц обосновывает его роль как важнейшего средства познания культуры и достоверного орудия исследования фактов прошлого: «несомненно, что язык и древности тевтонов имеют важное значение в большинстве исследований о происхождении, обычаях и древностях Европы» (Лейбниц 1983: 287).

Не существует прямых указаний на то, когда, где и при каких условиях Ломоносов познакомился с трудами Г. В. Лейбница. Справочник Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова» (Коровин 1961: 63; 170; 371; Каталог 2011) указывает только на то, что после 1756 года Ломоносов уже знал о книгах Г. В. Лейбница «Протогея, или рассуждение о первоначальном облике Земли и о следах древнейшей истории в памятниках самой природы» (Гёттинген, 1749) и «Очерки о теодиции, о милости Бога и свободе человека и происхождении зла» (Амстердам, 1714)³. Нет сомнений в том, что первая книга была Ломоносову очень интересна (ср. его знаменитое рассуждение «О слоях земных»). Ломоносова очень интересовало, в чем причина того, что «многих гор доступные верхи покрыты черепьями морских раковин, а иные и состоят из оных, в камень претворенных, и в таком множестве, что в Америке, в Перуанской области, и в Швеции, также в других местах жгут из них известь» (АПСС 5, 545).

Можно ли считать, что этим знания Ломоносова о научном наследии Лейбница ограничиваются? Конечно, нет. Во-первых, сохранившиеся описи и списки книг дают лишь *общее* представление о круге чтения Ломоносова и его разносторонних интересах; во-вторых, бесспорным следует считать утверждение о том, что Ломоносов мог получить исчерпывающие знания об учении Г. В. Лейбница от Х. фон Вольфа, ученика и последователя Лейбница. Именно поэтому в «Предисловии» к «Вольфианской экспериментальной физике» Ломоносов среди выдающихся современных

---

³ Перевода указанных книг на русский язык не существует. – *Авт.*

ученых первым называет Лейбница, словно отдавая ему «первенство среди равных»: «Лейбниц, Кларк, Лок, премудрые рода человеческого учителя, предложением правил, рассуждение и нравы управляющих, Платона и Сократа превысили. Малпигий, Боил, Герик, Чирнгаузен, Штурм и другие, которые в сей книжице упоминаются, любопытным и рачительным исследованием нечаянные в натуре действия открыли и теми свет привели в удивление» (АПСС, 1, 424). В-третьих, акад. М. И. Сухомлинов, много времени посвятивший исследованию влияния немецкой науки на формирование М.В. Ломоносова как ученого и поэта, указывает: «С именем Вольфа связано воспоминание о замечательной в истории немецкой литературы и образованности эпохе “просвещения” (Aufklärung). Задача так называемых “просветителей” состояла в освобождении личности человека в умственном и нравственном отношении, в свободе исследования и в борьбе с предрассудками и школьным авторитетом. Содействуя просвещению своих соотечественников, Вольф говорил и писал на родном языке о важнейших предметах человеческой мысли, и первый ввел немецкий язык в область философии... Ломоносов был также просветителем современного ему русского общества. Подвиг его, как просветителя, состоял в отвержении того, что вело к апатии и застою, и в общедоступном (выделено нами. – *Авт.*) изложении того, в чем видел он плодотворное, жизненное начало» (Сухомлинов 1861: 150). И далее: «Подобно Вольфу, Ломоносов не был специалистом, а стремился обнять все отрасли знания и проводить их благотворное, цивилизующее влияние в общество; даже в специальных исследованиях он имел в виду не только передачу фактов, но и просвещение своих читателей и слушателей, и истины науки стремился объяснять общедоступно (выделено нами. – *Авт.*)» (Сухомлинов 1861: 151).

Некоторое время назад мы уже обращались к анализу совокупности употреблений лингвонима / этнонима *славенский* в исторических и филологических трактатах М. В. Ломоносова (Волков 2009). Несмотря на то, что текст этой статьи многое потерял от неумелого и торопливого редактирования, нам, как представляется, удалось установить, что в полном соответствии с филологическими воззрениями Г. В. Лейбница, область распространения *славянского языка* в пред-

ставлениях Ломоносова четко определена географически и занимает определенные территории. Этот, можно сказать, *ареал* устанавливается не только на основе данных, полученных М. В. Ломоносовым из сочинений античных и средневековых историков и географов (позволим себе сделать предположение, что отчасти и благодаря личному опыту – во время скитаний по Европе в несчастливые для него дни 1740 года он вполне мог встречаться и беседовать с представителями западнославянских народов в Германии, в том числе и с *лужичанами* в Саксонии), но и анализом топонимики, т. е. с помощью методов *лингвогеографии*. Но самое главное, что *славенский язык* у М. В. Ломоносова – это *устный язык* летописных мезазитических групп или, в терминах современной этнолингвистики, *наречие*: на нем говорили, подчеркнем, именно *говорили* (ср. в «Предисловии о пользе книг церковных»: «славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли» (АПСС 7: 585)) разные народы, *приобщаемые* М. В. Ломоносовым к славянскому миру: например, в «Замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера» и в «Древней Российской истории»: «Рурик с родом своим ... *говорили языком славенским*», «роксолане были славяне ж и *говорили языком славенским*»; «весьма вероятно кажется, что варяги-русь и пруссы *говорили языком славенским*» (АПСС 6: 34). Таким образом, *история славенского языка*, поиск черт сходства славенского языка с другими языками Европы и Азии, установление генетического родства славенского и других языков Европы и Азии в полном соответствии с идеями Г. В. Лейбница становятся у Ломоносова важнейшими *инструментами* исследования исторического прошлого, средством этнической идентификации и установления генетического родства народов и племен.

В «Замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера» (1749) вполне в духе сказанного выше Ломоносов пишет: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако, что они происходили от роксолян, народа славенского, и прошли с готфами, славянами⁴ ж, от Черного моря к берегам Балтийским, что говорили язы-

---

⁴ Ср. у Г. В. Лейбница: «...предполагают, что черноморские готы переселились первоначально из Скандинавии или по крайней мере с Балтийского моря» (Лейбниц 1983: 281).

ком славенским, несколько от соединения со старыми германцами **испорченным** (выделено нами. – *Авт.*) (АПСС 6: 22)». И далее, но уже в «Древней Российской истории» (1754–1758) о прусском языке, который, по мнению Ломоносова, как и многие другие языки, является испорченным славянским: «Прочие помянутого языка отмены < т. е. изменения, перемены. – *Авт.* > извиняются подобием вендского наречия, которое, столько ж от коренного славенского языка по соседству с немцами, как летский по близости с чудским, испортысь, отдалилось» (АПСС 6: 209). Оценку справедливости этих утверждений оставим специалистам по истории и исторической этнографии, но ясно, что идея «порчи» и «искажения» живых языков от их взаимодействия, понимание так называемого «смешения языков» («в остатках древнего прусского языка, то есть в употребительном в некоторых прусских деревнях, также в Курландии, Жмуди и Литве, весьма много *вмешано* (выделено нами. – *Авт.*) слов латинских» (АПСС 6: 211), как причины, обуславливающей их разделение и дальнейшее самостоятельное развитие бесспорно представляет собой еще один интересный пример интериоризации Ломоносовым творческого наследия Г. В. Лейбница. Г. В. Лейбниц пишет: «Языки образуются благодаря сношениям различных народов между собой как путем безразличного смешения языков соседних народов, так и – это наиболее частый случай – принимая за основу один из них, который *коверкают и искажают, смешивают и портят* (выделено нами. – *Авт.*), пренебрегая его законами и изменяя их <...> Это становится очевидным, если сравнить их с сохранившимися древними книгами и памятниками» (Лейбниц 1983: 279–280).

Христиан фон Вольф (1679–1754) – одна из наиболее влиятельных фигур в немецкой науке и в немецком Просвещении XVIII в. Современники видели в нем идейного продолжателя Готфрида Вильгельма Лейбница, взявшего на себя огромный труд перевести на немецкий язык, систематизировать и популяризовать теоретическое наследие Г. В. Лейбница, что и было осуществлено им и его учениками и последователями. Благодаря этим «вольфианским переводчикам» (*Wolffianische Übersetzer*), выражаясь словами Дитмара Тиля, философия Лейбница в полной мере соответствует

авторскому замыслу. Так была создана система идей, получившая название «лейбнице-вольфовской философии» (этот термин предложен учеником Х. фон Вольфа, профессором Георгом Бернгардом Бильфингером), изложенная Вольфом в серии учебных пособий на немецком языке. Генрих Гейне, в свою очередь, считал, что величайшая заслуга Х. фон Вольфа заключается не в том, что он объединил идеи Лейбница в твердую систему, и еще менее в том, что он сделал их доступными широкому кругу читателей посредством изложения на немецком языке, а в том, что «он и нас побудил философствовать на нашем родном языке» (Гейне 1958: 74). На первое место, таким образом, поэт ставит заслуги Вольфа в развитии полифункциональности немецкого языка, создании научного стиля, в формировании специального философского или «метафизического» языка. Стремление подчеркнуть роль разума, логических законов и форм мышления прослеживается даже в самом названии этих учебников Христиана фон Вольфа, которые начинались словами «Разумные мысли» (*Vernünftige Gedanken*):

- *Vernünftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntniß der Wahrheit* (1713).
- *Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt* (1718).
- *Vernünftige Gedanken von der Menschen Thun und Lassen, zur Beförderung ihrer Glückseligkeit* (1720).

Именно Христиан Вольф, почетный член Петербургской Академии наук (это он назвал в 1727 году Петербургскую Академию наук «раем для ученых»), стал научным наставником Ломоносова во время его пребывания в Германии. В университете г. Марбурга Христиан Вольф в зимнем семестре 1736/37 года читал публичные лекции по оптике, частным образом читал лекции по политике, в то же самое время он продолжил чтение своего курса по математике. Кроме того, Вольф учил студентов также метафизике. «Добросовестность в ученых работах, изумительное трудолюбие, новизна взглядов, живое изложение предмета, вызывающее слушателей на самостоятельный труд, – все эти достоинства сделали Вольфа кумиром молодежи, доставили ему бесчисленное множество слуша-

телей и почитателей», указывал акад. М. И. Сухомлинов (Сухомлинов 1861: 133). Слава «князя философии» (так называли Х. Вольфа; этим почетным эпитетом также награжден Аристотель и Конфуций) или «мирового мудреца», как еще называли Вольфа, отчасти затмила даже славу его великого предшественника и учителя – Лейбница, творческое наследие которого увидело свет в более или менее полном виде (6 томов) только в 1768 году, в то время как Вольф уже опубликовал более 50 томов своих работ. М. И. Сухомлинов пишет о том, что в честь Вольфа даже была выбита специальная серебряная медаль, на которой изображены Минерва, Лейбниц и Вольф, причем Лейбниц и Вольф были увенчаны лавровым венком. Успешный ученый и прилежный преподаватель Христиан Вольф продолжал свои занятия с учениками даже на каникулах. С русскими студентами М. В. Ломоносовым, Густавом Ульрихом Райзером и Д. И. Виноградовым он первое время занимался отдельно. Под руководством Вольфа Ломоносов написал свои первые работы по теоретической физике и химии. Именно под влиянием Х. фон Вольфа формировались основы мировоззрения М. В. Ломоносова.

Так, например, материалы латинских текстов естественнонаучных трудов Ломоносова показывают интереснейшие факты рецепции теории *монад* Г. В. Лейбница и Х. фон Вольфа, свидетельствуют о динамике позиции М. В. Ломоносова относительно этой теории и об острой полемике между сторонниками и противниками этого влиятельного в XVIII веке учения в стенах Петербургской Академии наук. Среди этих текстов – написанные в 1743–1744 годах «диссертации» (от *lat. dissertatio* – рассуждение, доклад, научное исследование) Ломоносова «Опыт теории о нечувствительных частицах тел», «О сцеплении и расположении физических монад» и «О составляющих природные тела нечувствительных физических частицах», а также материалы научной корреспонденции Ломоносова.

Известно, что Лейбниц изложил учение о монадах в своей знаменитой «Монадологии», вышедшей в свет в 1714 году. Он называет *монадой* некую особую метафизическую единицу, лежащую в основе мира, неделимую и простую, духовную в себе, но своими

отношениями создающую видимость материальности. Монады абсолютно просты, они лишены частей. В отличие от геометрических точек, которым присущи определенные пространственные свойства, они представляют собой «не-пространственные» точки, не имеющие таких свойств (Соколов 1982: 43).

Для Х. фон Вольфа, последователя и продолжателя учения Лейбница, *монады* являются исходным онтологическим элементом его метафизической системы. Вольф истолковывает их как «атомы», «частицы» в пространстве, отличающиеся друг от друга не количественно (величинами и фигурами), а качественно (силами и качествами) (Крупнин 1998: 62).

Популярный в европейской науке термин не мог не привлечь внимание М. В. Ломоносова: во время обучения в Германии он буквально проникается философскими и естественнонаучными теориями Х. фон Вольфа. Не случайно в марбургской книжной лавке в 1738 году он покупает многотомный труд Вольфа «Элементы всеобщей математики» («Elementa matheseos universae»), который, по-видимому, был нужен для подготовки к лекциям Вольфа и «Institutiones philosophiae Wolfianae» («Основы Вольфианской философии» Л.-Ф. Тюммига, ученика Х. фон Вольфа). Через 15 лет Ломоносов будет в «Проекте регламента московских гимназий» (1755) рекомендовать «в школе первых оснований нужнейших наук, в первом и во втором классе употреблять из Волфова сокращения “Арифметику” и “Геометрию” (которые нарочно с немецкого перевести и напечатать)» (АПСС, 9, 459).

Монады в естественнонаучных сочинениях М. В. Ломоносова на латинском языке – это первооснова материи, физические частицы, твердые и неизменяемые, с определенной протяженностью, видом, плотностью материи и силой инерции (АПСС, 1: 313), они – конечная причина частных качеств. *Монады* также являются неощутимыми частицами (АПСС 1: 220) и твердыми корпускулами (АПСС 1: 222), *монады* есть суть твердых тел (АПСС 1: 232). Физические *монады* не делятся на меньшие части (АПСС 1: 222), они двигаются (moventur), крутятся (rotantur), перемещаются (demi-

gratum), сталкиваются (*impelluntur*), например: «*Motus intestinus progressivus est, quo monades physicae ex uno loco in alium demigrant*» (АПСС 1: 226). Материалы алфавитного словоформозаказателя (конкорданса) к латинским и русским текстам естественнонаучных произведений М. В. Ломоносова, подготовленного в Институте лингвистических исследований РАН, показывают, что латинское существительное *monas* в различных падежных формах (*monades, monadam, monadibus*) употребляется 55 раз, при том, что в текстах, написанных на русском языке нет ни одного употребления. Так, в работе «Опыт теории о нечувствительных частицах тел» (1743–1744), в которой систематически излагаются атомистические представления Ломоносова, он дает следующее определение монад: «*Monades physicae sunt particulae insensibiles adeoque visu singulae non percipiuntur, quamobrem nec motus earum discerni potest*» (АПСС 1: 224)⁵.

Особо интересны случаи употребления этой лексической единицы и ее производных в переписке Ломоносова с Леонардом Эйлером, бесспорным научным авторитетом в глазах М. В. Ломоносова, «мужем “ученейшим” и “славнейшим”» (АПСС 10: 450, 466.). Переписка, как этого требовал научный этикет тех времен, велась на латинском языке. В письме 27 мая 1749 года Ломоносов, помимо рассказа о строительстве Химической лаборатории, уведомляет Эйлера о своем желании «закончить свою работу (*opusculum*) о монадах» (АПСС 10: 465). А в письме, написанном 23 февраля 1754 года, т. е. через пять лет, Ломоносов уже совершенно разочарован, *монады* для него – уже почти мистическое учение («*Quamvis enim mysticam fere illam doctrinam funditus everti argumentis meis debere confidam*» (АПСС 10: 501), и в этом же тексте уже не в нейтральном, а в экспрессивно-ироническом контексте впервые появляется слово *monadicus* ‘*монадист, приверженец учения о монадах*’: «*alias crabrones monadicos per totam Germaniam irritare non per-*

---

⁵ Физические монады — нечувствительные частицы и в отдельности недоступны для зрения, почему нельзя видеть и их движения (АПСС 1: 225; пер. Б. М. Меншуткина).

horrescerem» (АПСС 10: 502)⁶. Не следует считать это своеобразным прощанием с учением Вольфа и «обращением» Ломоносова к материализму, усердно приписываемому ему некоторыми авторами⁷. Он просто увлекается новой естественнонаучной теорией – теорией *корпускул*. Для Ломоносова *корпускулы* – сверхмалые, «нечувствительные», т. е. недоступные органам чувств человека сущности (АПСС: 1, 25), их основное свойство протяжение, т. е. способность увеличиваться и уменьшаться, они обладают массой (*moles*) и формой (*figura*); корпускулы складываются (*componuntur*), сцепляются (*cohaerent*) друг с другом и находятся в непрерывном движении (*moventur*) вместе (АПСС: 1, 30). Это частицы, скорее определяющие разнообразные химические свойства природных веществ (что было принципиально важно для Ломоносова-химика), чем мельчайшие физические тела. В естественнонаучных сочинениях Ломоносова мы встречаемся, во-первых, с корпускулами первичными (*corpuscula primitiva*) и производными (*corpuscula derivativa*), во-вторых, с разными видами корпускул – корпускулами чистого золота (*corpuscula auri puri*), металла (*corpuscula ex metalli*), соли (*corpuscula salina*), ртути (*corpuscular mercurii*), эфира (*corpus-*

---

⁶ «Хоть я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, однако я боюсь омрачить старость мужу, благоддеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть <т. е. Христиану фон Вольфу>; иначе я не побоялся бы раздражить по всей Германии шершней-монадистов» (АПСС 10: 503; *пер. Я. М. Боровского*). Заметим, что М. В. Ломоносов в этом письме использует латинскую поговорку *irritare crabrones* – *раздражить ос*, генетическим источником которой является трагикомедия Плавта «Амфитрион».

⁷ См. в статье нашего современника докт. филос. наук А. Д. Сухова в ежегоднике «История философии» Института философии РАН: «Вольф, вслед за Г. В. Лейбницем, рассматривал монаду как неделимую часть нематериальной субстанции. И Лейбниц, и Вольф не обошлись в монадологии и без божественного предначертания, гармонизирующего мир монад. Подобных выходов за пределы реального корпускулярная концепция Ломоносова не предполагает и не допускает», и далее: «Деизм в XVIII в. воспринимался критически с двух сторон. Справа он подвергался нападкам от христианских ортодоксов, церковников. Ломоносов же преодолевал, устранил его слева, с материалистических позиций» (Сухов 2004: 6, 12).

cula aetheris), воздушными корпускулами (corpuscula aëris) и даже с корпускулами флогистона (corpuscular phlogisti).

Закономерности формирования массива естественнонаучной лексики в середине XVIII столетия, проявляющиеся прежде всего в стремлении к наиболее точным обозначениям понятия или явления, к выбору одного наименования из нескольких, привели к тому, что в лексический состав русского языка этого периода лексема **монада** попала несколько позже упомянутой выше переписки между М. В. Ломоносовым и Л. Эйлером – благодаря переводу одного из наиболее популярных научных трактатов Эйлера, облеченных в модную тогда эпистолярную форму – «Писем о разных физических и философических материях, писанных к некоторой немецкой принцессе», выполненном с французского языка любимым учеником Л. Эйлера – русским математиком, членом Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге С. Я. Румовским. Трактат вышел в свет в Петербурге в 1768 году тиражом в 600 экземпляров. «По мнению Вольфову (выделено нами. – Авт.) не только все тела состоят из монад; но каждый дух не иное что есть, как Монада; и самое всевышнее существо, чего я и сказать почти не смею, есть также подобная монада», – писал великий Эйлер (Эйлер 1774: 51). Этот философский и естественнонаучный термин до сих пор употребляется в современном русском языке. «Библиотека лексикографа» (автор и бессменный руководитель этого славного научного проекта – докт. филол. наук и докт. истор. наук А. А. Бурькин), являющаяся, бесспорно, в настоящее время одним из самых больших электронных ресурсов России, так как включает около 50 000 разнообразных текстов объемом примерно 2 млрд словоформ (Бурькин 2010), по запросу на слово монада дает выдачу почти в 450 контекстов (вхождений) употребления этого слова в текстах самых разнообразных жанров, включая детективы, фэнтези и дамские романы. Национальный корпус русского языка⁸ показывает более скромные результаты: на слово *монада* (им. пад. ед. ч.) получаем выдачу толь-

---

⁸ Объем НКРЯ на момент написания этого научного доклада составляет 229 968 798 слов.

ко в 67 вхождений, преимущественно в текстах Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Н. Булгакова и др.

Приведем некоторые примеры от серьезных до совершенно не-серьезных:

Луна сияла в полном блеске, а небо блестело звездами. Картина была величественная. Доктор по этому случаю прочел маленькую лекцию о свечении моря, благодаря присутствию в нем мириад живых организмов – разнообразных инфузорий, **монад**, дрожалок различных форм и величин, которые отделяют светящуюся жидкость вследствие разряжения электричества (*К. М. Станюкович*).

Родина – это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек; человек – маленькая **монада**, состоящая из веселых стальных мышц, телесных и душевных, сам себе хозяин в этом мире, когда здоров и здрав, пойдет, куда захочет, и сделает, что пожелает, ни перед кем, кроме Бога и себя, не отвечает он за свои поступки (*А. А. Блок*).

Уничтожение изобретателей и первооткрывателей – это естественная реакция системы на угрозу дестабилизации. Естественная реакция общества на угрозу для части своего устройства. Ибо в системе – будь то организм биологический либо социальный – невозможно реформировать или заменить одну часть, не затрагивая многочисленные связи этой части со многими другими. Ибо? Ибо! Ибо все устройство системы многократно отражается и повторяется в сознании каждой **монады** – каждого человека общества (*М. И Веллер*).

– Я почувствовал раздражение.

– Весь этот разговор довольно примитивен. Мы ведь начали с того, кто я по своей природе. Если угодно, я полагаю себя... Ну скажем, *монадой*. В терминах Лейбница.

– А кто тогда тот, кто полагает себя этой мандой?

– **Монада** и полагает, – ответил я, твердо решив держать себя в руках.

– Хорошо, – сказал Чапаев, хитро прищуриваясь, – насчет «кто» мы потом поговорим. А сейчас, друг милый, давай с «где» разберемся. Скажи-ка мне, где эта манда живет?

– В моем сознании. (В. О. Пелевин).

Христиан Вольф подобно другим немецким просветителям ярко высказывался о роли национального (т. е. *немецкого*) языка в просвещении немецкого общества и развитии немецкой науки. В 1726 году Вольф представил собственное описание своих философских трудов, вышедших на немецком языке («Ausführliche Nachricht des Autoris von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben»). В § 14 второй главы он пишет: «Die deutsche Schriften von der Welt-Weisheit habe ich hauptsächlich zu dem Ende geschrieben, damit sich meine Zuhörer derselben in den Collegiis bedienen könnten. Denn es gieng mit mir wie andern Professoribus, daß meine Discurse unrecht nachgeschrieben worden, so daß öftters entweder gar kein Verstand herauskam, öftters aber ein Verstand, der meinem Sinne ganz entgegen stand»⁹ (Wolff 1733: 43).

Подобных взглядов на российский или великороссийский язык (или слово) придерживался и М. В. Ломоносов. В «Кратком руководстве к красноречию...» он пишет: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает» (АПСС 7: 91), при этом на первое место ставится значение русского (российского) языка как языка русской государственности и администрации. В подготовительных материалах к «Слову благодарственного Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне»

---

⁹ «Философские тексты на немецком языке я написал на тот случай, чтобы мои слушатели могли бы пользоваться ими на занятиях. Потому что со мной, как и с другими профессорами, случалось так, что мои лекции (речи) конспектировались неправильно, так что часто в них или не было видно никакого смысла, или же часто был смысл, совсем противоположный моему пониманию».

(1760) он записывает следующее пожелание: «Российское бы слово, от природы богатое, сильное, здоровое, прекрасное, ныне еще во младенчестве своего возраста, добродетелей твоих изображением растущее и укрепляющееся, превзошло б достоинство всех других языков» (АПСС 8: 683). Не менее чем Вольф, Ломоносов озабочен проблемой расширения функций национального языка, использованием его в области науки и образования: «Во всяком собрании должны читать два академика о разных материях на российском языке. Ежели же между русскими академиками будут иноземцы, российского языка не знающие, то оное чтение расположить так, чтобы один читал на латинском языке, а другой – на российском. <На полях рукой Ломоносова приписано: Перевести и читать приятелю его на российском с оговоркою. Разумеется о диссертациях, а ораторские речи **должны быть все** (выделено нами. – Авт.) российские> – указывает Ломоносов в «Проекте регламента Академии наук» (АПСС 10: 90).

Крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения **Иоганн Кристоф Готтшед** был признанным «вольфианцем». После защиты диссертации по философии в 1724 г. читал лекции об изящных искусствах в Лейпцигском университете. В 1730 году он был назначен экстраординарным профессором поэзии на философском факультете, а в 1734 году – профессором логики и метафизики на том же факультете. Современники признавали

в нем наследника Христиана фон Вольфа. Своим преподаванием и литературно-журналистской деятельностью Готтшед содействовал развитию немецкой литературы, театра и риторики. Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», которая вышла в свет в 1748 году и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия.

Структура, порядок следования и название отдельных частей немецкого варианта «Российской грамматики» Ломоносова, иначе говоря – *метаязык* этого грамматического описания (*метаязык* –

это «язык о языке и для описания языка», что следует понимать следующим образом: это язык, служащий для описания фактов «самого себя» или любого другого языка (Jakobson 1960: 198), точнее – знаковая система, служащая для описания или интерпретации другой знаковой системы) во многом *повторяют* структуру и название разделов «Грамматики» И. К. Готтшеда.

Вместо названия крупных разделов русского варианта «Грамматики» Ломоносова «Наставление первое», «Наставление второе» и т. д. в немецком тексте «*Rußische Grammatick verfaßet von Herrn Michael Lomonowow*» применяются привычные для того времени, но более «сухие» наименования *Der erste Abschnitt; Der zweyte Abschnitt* etc. (причем один раз с другим написанием *zweete*). Более мелкие структурные звенья внутри «Наставлений» обозначаются у Ломоносова привычным для нас словом *Глава 1, Глава 2* и т. д., при этом каждая глава имеет свое собственное название. Примерно такой же порядок находим во «Всеобщей универсальной грамматике А. Арно и К. Лансло: «Первая часть, где речь идет о буквах и знаках письма»: «Глава 1. О буквах как звуках и прежде всего о гласных», «Глава 2. О согласных; «Глава 3. О слогах» и т. д. (Арно, Лансло 1991: 19–24). В немецком варианте для обозначения глав применяется слово *Hauptstück*: *das erste Hauptstück, das zweyte Hauptstück* и т. д. Точно такие же структурные элементы можно увидеть в работе И. К. Готтшеда «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*».

Как известно, каждая из глав «Российской грамматики» имеет свое собственное название, причем название построено по одной и той же схеме: «Наставление первое. О человеческом слове вообще», «Глава 1. О голосе», «Глава 2. О выговоре и неразделимых словах человеческого слова», «Глава 3. О сложении неразделимых частей слова» (АПСС 7: 394–405). По точно такой же схеме построены названия разделов и глав в немецком варианте: «*Der erste Abschnitt. Von der Sprache insgemein*», «*Das erste Hauptstück. Von der Stimme*», «*Das zweyte Hauptstück. Von der Aussprache; und von den unzertrennlichen Theilen der Wörter*», «*Das dritte Hauptstück. Von der Zusammensetzung der unzertrennlichen Theile eines Worts*» и т. д.

Ту же самую схему (только более полную) мы находим у И. К. Готтшеда: «Die Einleitung I. Abschnitt. Von der Sprachkunst überhaupt».

Конечно, в том, что названия разделов построены по одной схеме, нет ничего удивительного. Достаточно вспомнить название поэмы Тита Лукреция Кара «О природе вещей» («*De rerum natūra*») или названия отдельных глав в «Этимологиях» Исидора Севильского: см., например, такие названия в книге I, как «О грамматике», «О науке и искусстве», «О семи свободных искусствах», «О всеобщих [греческих] буквах», «О латинских буквах», «О грамматике» (Исидор Севильский 2006).

В своих трудах по немецкой грамматике Лейбниц, Вольф и Готтшед считали важными разные стороны немецкого языка (Филлипов 2011: 121–132): у **Лейбница** это зеркало разума (*Spiegel des Verstandes*), богатство (*Reichthum*), изобилие (*Überfluss*), выразительный (*nachdrücklich*), крепкий (*kräftig*); у **Вольфа**: понятный (*verständlich*), не бедный (*nicht so arm*), внятность, понятность (*Deutlichkeit*), крепкий (*kräftig*), у **Готтшеда**: богатство и изобилие (*Reichthum und Überfluß*, как у Лейбница), понятность (*Deutlichkeit*, как у Вольфа), краткость (*Kürze*), выразительность (*Nachdruck*, ср. *nachdrücklich* у Лейбница). Заметим, что один из выдающихся нормализаторов французского языка, поэт XVII века Франсуа де Малерб, среди главных условий, которым должен отвечать подлинный литературный язык, называл «чистоту» (*la pureté* «ясность» (*la clarté*) и «точность» (*la précision*).

Можно сравнить приведенные выше характеристики языка с оценкой, которую дал русскому языку М. В. Ломоносов. Наиболее ярко он выразился по этому поводу в предисловии к «Российской грамматике»: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелями, италийнским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийнского, сверх того

богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка» (АПСС, 7, 391)¹⁰.

Эти слова прекрасно соотносятся с приведенными выше словами Лейбница, Вольфа и Готтшеда о немецком языке. Но чтобы усилить это впечатление, обратимся к немецкому переводу «Российской грамматики», выполненному академическим архивариусом Иоганном Лоренцом Стаффенгагеном под «смотрением» самого М. В. Ломоносова. «*Rußische Grammatick*» вышла в свет в 1764 году. После этого немецкий вариант ломоносовской грамматики более не издавался.

Посмотрим, как звучат два небольших фрагмента приведенного выше отрывка из Предисловия **на русском языке**: «...ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка»; **на немецком языке**: «Denn in dieser würde er das Erhabene des Spanischen, die Lebhaftigkeit des Französischen, die Zärtlichkeit des Italienischen, die *Kraft* des Deutschen, und überdem auch die *Reichthum* und die so *nachdrückliche Kürze* des Griechischen und Lateinischen angetroffen haben» (*Rußische Grammatick* 1764: S. I.). И здесь снова мы встречаем слова *Reichthum*, *Kürze*, *deutlich* и *nachdrücklich*, как у Лейбница, Вольфа и Готтшеда.

Описывая сложные отношения, которые возникают между текстами Готтшеда и Ломоносова, хочется задать вопрос: а какое влияние могли бы оказать сочинения И. К. Готтшеда на риторические труды Ломоносова? Трудно, конечно, возразить против общего мнения о том, что, при высокой осведомленности исследователей творчества М. В. Ломоносова об основных источниках его риторических трактатов, тем не менее, пока неясным остается вопрос о «степени»

---

¹⁰ Как доказывает В. Д. Рак (Рак 1975: 217–219), это изречение – «*Carolus Quintus sagte, er wollte reden: Spanisch mit Gott, Italienisch mit seinen Freunden, Teutsch mit seinem Feinde, Französisch mit dem Frauenzimmer*» – М. В. Ломоносов придумал не сам, а почерпнул из имевшейся в его библиотеки весьма известной в XVIII веке грамматики Жана Роббера де Пеплие (*Pepliers* 1735: 373). См. об этом также (Клубков 2011: 93–99).

или «глубине» интериоризации Ломоносовым текстов этих источников (см. об этом Блок, Макеева, Сазонова 2011: 673; Бухаркин 2013: 66). Как известно, существует даже некий «документ», называемый «конспектом» «Ausführliche Redekunst» И. К. Готтшеда: документ а priori, без каких-либо доказательств, приписывается М. В. Ломоносову. Записи эти впервые были опубликованы в корпусе примечаний к третьему, «филологическому» тому академического издания «Сочинений М. В. Ломоносова» (1895 г.), подготовленных акад. М. И. Сухомлиновым (Сухомлинов 1895а: 33–40). В «Примечаниях» указано: «Риторика Ломоносова представляет много сходных черт с учебными руководствами по этой науке, бывшими у нас в употреблении в конце семнадцатого и в начале восемнадцатого столетия. Но главными пособиями служили для Ломоносова труды Каусина¹¹ и Готтшеда» (Сухомлинов 1895а: 26). Там же, далее: «В Государственном Архиве¹² хранятся собственно-ручные выписки Ломоносова из Риторики Готтшеда. Некоторые параграфы выписаны дословно, с большими или меньшими пропусками; иногда же указывается вкратце содержание параграфа и главная мысль, проводимая автором...» (Сухомлинов 1895а: 32).

Несмотря на огромный научный авторитет академика М. И. Сухомлинова, атрибуция текста «конспекта Готтшеда» М. В. Ломоносову, а также научная достоверность этого исторического документа поневоле вызывают сомнения. Во-первых, совершенно непонятно, почему, например, многие документы, письма, проекты и описания, принадлежащие перу члена Российской академии наук и «химии профессора» М. В. Ломоносова не сохранились, а конспект дошел до наших дней? Хочется получить ответ на простые вопросы: 1) кем документ передан в этот «Государственный архив»? Где и у кого он до этого хранился? 2) Где материалы

---

¹¹ То есть, Никола Коссена (1583–1651), французского иезуита, богослова и ритора, духовника Людовика XIII, чья книга «De Eloquentia Sacra et Humana» действительно была хорошо известна Ломоносову.

¹² Источник, на который указывает М. И. Сухомлинов, неизвестен. В РГАДА такой документ отсутствует.

источниковедческой экспертизы автографа? 3) Какими фактами доказывается авторство Ломоносова?

Во-вторых, нет ясности в отношении времени создания (написания) «текста, похожего на ломоносовский конспект Готтшеда». Когда и в какой ситуации он появился? Во время обучения в Славено-греко-латинской академии? Во время обучения в Германии, где, как мы можем предположить, Ломоносов впервые познакомился с трудами немецкого просветителя и нормативиста? Так считает Г. М. Коровин (Коровин 1961: 359). Он также предполагает, что рукопись прибыла в Россию вместе с бумагами Д. И. Виноградова, но это заблуждение. Сотрудница музея Ленинградского фарфорового завода Е. В. Данько, до войны исследовавшая рукописи Д. И. Виноградова, привезенные им из Германии, не пишет ни одного слова о конспекте «Ausführliche Redekunst» Готтшеда. В ее статье, опубликованной в сборнике «XVIII век. Статьи и материалы» в 1940 году, находим буквально следующее: «Исследуя тетрадь “Пробирерная наука”, я обнаружила в ней 2 странички с заметками о поэзии на немецком языке и 7 страничек, содержащих греческий список оды Анакреона “К лире” и переводы этой оды на 6 языков, в том числе и на русский. Эти записи сделаны другим почерком, нежели рукопись “Пробирерная наука”. Сличение почерка записей с автографами М.В. Ломоносова доказало с полной несомненностью, что они внесены в тетрадь его рукой. Заметки о поэзии на немецком языке и переводы оды “К лире” на западные языки выписаны из статей Готтшеда, помещенных в его журнале “Beiträge zur critischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit” за 1733 г.» (Данько 1940: 249).

В-третьих, почему редакционная коллегия Академического полного собрания сочинений М. В. Ломоносова в 11-ти томах не только не включила такой ценный документ в число текстов Ломоносова, но даже не упомянула о нем в примечаниях? О риторических курсах Порфирия Крайского и Иоганна-Адольфа Гартмана¹³

---

¹³ См. об этом подробнее в статье К. В. Манёровой и М. В. Корышева о И. А. Гартмане (Манёрова, Корышев 2013).

мы находим упоминания (АПСС 7: 790), а о «конспекте Готтшеда» нет ни слова. Не потому ли, что в эту редакционную коллегию входили такие опытные историки-архивисты и тонкие знатоки рукописей Ломоносова, как А. И. Андреев, Г. А. Князев и Л. Б. Модзалевский, которых было трудно, как говорится, ввести в заблуждение. Известно, что во время дискуссии об авторстве статьи «О качествах стихотворца рассуждение» Л. Б. Модзалевский, доказывая авторство Г. Н. Теплова, а не М. В. Ломоносова, собрал огромный материал, «простирающийся от анализа почерка обнаруженной им рукописи статьи до разбора философских и эстетических взглядов Г. Н. Теплова и М. В. Ломоносова (Алексеева 2011: 361). Относительно конспекта Готтшеда такая работа никем и никогда не проводилась. И, наконец, почему отсутствует метаописание документа соответственно принятым правилам (фонд, опись, единица хранения и т. д.)?

Не в пользу «конспекта Готтшеда» свидетельствуют факты о подготовке академического издания «Сочинений М. В. Ломоносова» под редакцией акад. М. И. Сухомлинова, которые приводит такой опытный архивист и исследователь истории Академии наук XVIII века, как Е. С. Кулябко. Издание этого собрания сочинений было приурочено к 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Как у нас водится, в преддверии больших юбилеев все делалось очень спешно и не всегда с должным тщанием и вниманием к деталям. Кроме того, очень важным для установления принадлежности «конспекта Готтшеда» именно Ломоносову, а не какому-либо другому образованному человеку XVIII века, является указание Е. С. Кулябко на то, что акад. М. И. Сухомлинов работал практически один и, более того, одновременно с этой работой был занят подготовкой томов «Материалов для истории Императорской Академии наук»: «По существовавшему в те времена обыкновению М. И. Сухомлинов работал над собранием сочинений единолично. В поисках новых ломоносовских материалов, желая обнаружить “все без изъятия” сочинения и письма Ломоносова, а кроме того, написать и его биографию, М. И. Сухомлинов с подлинно юноше-

ским энтузиазмом (ему было тогда около шестидесяти лет) изучал многочисленные фолианты академического архива, усердно работал и в других архивах, вел обширнейшую переписку с самыми разнообразными учреждениями и лицами, разъезжал по провинциальным городам и даже побывал в Германии – в Дрездене и Фрейберге. За семнадцать лет он выпустил пять томов сочинений Ломоносова и десять томов «Материалов для истории Академии наук» (Кулябко 1962: 301–302).

Говорят, что *errare humanum est*. Мы уже упоминали выше об ошибочной атрибуции статьи «О качествах стихотворца рассуждение», осуществленной П. Н. Берковым, и о дискуссии между П. Н. Берковым и Л. Б. Модзалевским по поводу этой статьи. Даже авторитетная редакционная коллегия АПСС однажды допустила ошибку, когда включила в 11-й (дополнительный) том АПСС фрагмент перевода известного романа Франсуа Фенелона «Похождение Телемака» (АПСС 11: 152–162). Атрибуция этого перевода Ломоносову убедительно опровергается в статье чл.-корр. РАН С. И. Николаева (Николаев 1988: 162–172). Но понять членов редколлегии АПСС можно: каждый исследователь творчества Ломоносова в душе страстно мечтает обнаружить неизвестный текст великого просветителя, а ведь утрачено их немало.

Предположим, что М. И. Сухомлинов тоже испытывал сомнения относительно подлинности «конспекта Готтшеда». Ему, как видно, были нужны более основательные доказательства формальной и содержательной связи между текстами Ломоносова и Готтшеда. Всё это, как представляется, могло стать причиной того, что в издании Сухомлинова текст риторических трактатов Ломоносова сопровождается особо подробными комментариями: почти к каждому параграфу «Краткого руководства к риторике» (1744) и «Краткого руководства к красноречию» (1748) приводятся параллельные контексты из «Ausführliche Redekunst» Готтшеда. «Конспект Готтшеда», напротив, с текстами риторических трактатов Ломоносова никак М. И. Сухомлиновым не сопоставляется.

Приведем несколько примеров «готтшедовских» комментариев Сухомлинова. В «Кратком руководстве к риторике» (§ 91).

<p>Гипербола или превышение есть когда представленная речь несколько натуральное понятие превосходит ради напряжения или послабления страстей, н. п. бег скорейший вихря; звезд касающийся Атлас; из целых гор иссеченные храмы (Сухомлинов 1895: 51).</p>	<p>Die Hyperbole ist eine Vergrößerung des Dinges, davon die Rede ist .. Königsdorf in seiner Lobrede auf den Käyser Leopold nennet ihn den Atlas, der bisher die sinkende Welt aufgehalten (Сухомлинов 1895а: 70).</p>
--	---

В «Кратком руководстве к красноречию» (§ 203)

<p><i>Повторение.</i> 5) когда два речения, которыя вместе стоят, порознь повторяются в разных идеях, например:</p> <p>Премудрый человек может по вся дни на свете плакать и смеяться. Смеяться как Демокрит над глупостию человеческою; плакать как Гераклит о суете сего мира (Сухомлинов 1895: 240)</p>	<p><i>Epanodos</i>¹⁴. Wenn man zwey Wörter nacheinander besonders wiederholt; doch so, dasz das letzte zuerst und das erste zuletzt kömmt. Ein Weiser kan in der Welt täglich lachen und weinen. Weinen mit dem Heraclit über die Thorheit der meisten Menschen; lachen aber mit dem Democritus über die Eitelkeit und Unvernunft derselben (Сухомлинов 1895а: 470).</p>
--	---

Можно привести еще один интересный пример, на который акад. М. И. Сухомлинов, по-видимому, не обратил внимания. Среди текстов, которым И. К. Готтшед отдавал особое предпочтение как безупречным образцам риторического искусства, находим надгробное слово маршалу Франции Анри Тюренну. Оно принадлежит перу весьма известного ритора XVII века – члена Французской ака-

¹⁴ *Эпанод (эпанода)* – вид повторения, регрессия.

демии епископа Эспри Флешье (1632–1710)¹⁵. Для нас в данном случае важно, что этот текст служит для Готтшеда источником иллюстраций для «Ausführliche Redekunst», см., например, слово *Allegorie*:

«Wenn man eine angefangene Metaphore laenger fortsetzet, als in einer Redensart: so bekommt sie den Namen einer Allegorie. Z<um> E<xempel>. Eben der Redner <Fleschier> schreibt bald nach der obigen Stelle: Wie oft hat er <Turenne> aus bruenstigem Verlangen nach dem lebendigen und kraeftigen Lichte, welches einzig und allein ueber die Irrthuemer des menschlichen Gemuetes triumphiret, zu seinem Heylande geseufzet: Herr hilf daß ich sehen moege! Wie oft suchte er mit unvermoegender Hand die verdrueßliche Binde abzureissen, die seine Augen vor der Wahrheit verschloß. Hier stellet der Redner seinen Held unter dem Bilde eines Blinden vor, und setzet die Vergleichung bis ans Ende fort. Er meynet aber die Unwissenheit in der roemischcatholischen Lehre dadurch, welches denn seiner Absicht vollkommen gemaeß ist; ob es gleich in unsern Augen falsch ist (Gottsched 1736: 243–244)¹⁶.

В электронном корпусе текстов Ломоносова, подготовленном в ИЛИ РАН в рамках научного проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», тоже находим упоминания текста Э. Флешье, но все они принадлежат только «Краткому руководству к красноречию...» и никогда, повторим, никогда (!) не встречаются в прочих текстах. Например, в разделе «Фигуры предложений» при описании *прохождения*: «Прохождение есть когда притворяемся, якобы мы говорить о чем не хотели, однако тем самым оное живо представляем. ..И Флешье в надгробном слове маршалу де Тюренну: *Ne attendez, monseigneur, que je vous ouvre ici un tombeau de gloire; mais attendez, monseigneur, que je vous ouvre ici un tombeau de honte; car c'est de là que sortira le grand héros de France, qui se fera un jour un grand nom, et qui se fera un grand nom de gloire.*» (АПСС 7: 276).

---

¹⁵ E. Fléchier. Oraison funèbre de Turenne prononcée à Paris le 10 jour de Janvier 1676.

¹⁶ Благодарим всех участников проекта «Риторика М. В. Ломоносова» (руководитель – проф. П. Е. Бухаркин) за возможность пользоваться их научными материалами.

Убеждает ли нас сказанное выше в наличии интертекстуальных связей между «Ausführliche Redekunst» и риторическими трактатами Ломоносова? Свидетельствует ли это в пользу таких связей? Совпадения, безусловно, есть. Можно ответить на поставленные вопросы и утвердительно, и отрицательно. Не вызывает сомнений, что Ломоносов во время обучения в Германии и работы в Академии наук весьма внимательно ознакомился с трудами И. К. Готтшеда. Книги этого великого немецкого филолога и просветителя, напомним, входили в его личную библиотеку (Коровин 1961: 299 и сл.). Главный соратник и соперник М. В. Ломоносова – академик Герхард Фридрих Миллер состоял с И. К. Готтшедом в регулярной научной переписке, что не могло остаться вне внимания Ломоносова; кроме того, такие важные вопросы, как содержание писем, поступивших от ученых европейских стран (ведь это было формой изложения новых научных идей и обмена научной информацией), всегда *открыто* обсуждались среди академиков Российской Академии наук. Заметим, что эта переписка прекрасно сохранилась до наших дней и письма Готтшеда Миллеру и Миллера Готтшеду вполне доступны современному исследователю: они хранятся в настоящее время в фонде № 21 Санкт-Петербургского филиала Архива Академии наук. Нужно только иметь навыки чтения готической скорописи XVIII века.

С другой стороны, совпадения между риторическими трактатами Готтшеда и Ломоносова не примитивно-генетические, а, скорее, типологические или обусловленные действием общериторических универсалий. Представляется, что они более объяснимы глубокой погруженностью Ломоносова в европейский филологический дискурс, его неразрывной духовной связью с «мировой республикой ученых». Такие совпадения обуславливаются не только глубоким знанием Ломоносовым риторической традиции, но и генеративностью самой риторической традиции, сделавшей облигаторными, можно сказать «императивными», определенные тексты и примеры в заданной традицией структуре, а также действующими внутри риторического учения универсальными правилами и нормами. Более того, эти воздействия могут существовать не на языко-

вом, а на значительно более глубоком – понятийном уровне. Поэтому все многозначительные солипсические рассуждения на тему «У Готтшеда так-то, а у Ломоносова – эдак» будем относить только к филологическому пустословию: окончательно расставить все точки над «и», ответить на поставленные вопросы может только системный историко-филологический анализ. Возможно, на часть вопросов даст ответ словарь «Риторика М. В. Ломоносова», работа над которым активно ведется в Институте лингвистических исследований РАН. Словарная статья этого справочного издания будет включать, помимо комплексного филологического анализа риторических терминов Ломоносова, специальный раздел, который участники проекта после некоторых колебаний и споров назвали «*Диакронический риторический контекст*». Он представляет собой своеобразный комплексный историко-научный комментарий, демонстрирующий факты (контексты) применения риторических терминов М. В. Ломоносова и их аналогов (дублетов, тождесловов) в источниках, представляющих европейскую и русскую риторическую традицию (Проект 2013: 25).

Не следует полагать, заметим в заключение, что акад. М. И. Сухомлинов сомневался в оригинальности риторического трактата Ломоносова или стремился представить его как перевод или, точнее, парафразис риторического трактата И. К. Готтшеда. Это, безусловно, совершенно самостоятельное, независимое произведение, отражающее существование авторской риторической концепции, оригинальное и формально, и содержательно, а комментарии М. И. Сухомлинова направлены, по точному замечанию проф. П. Е. Бухаркина, на «создание достаточно широкого литературного контекста, позволяющего представить место ломоносовского произведения в литературной культуре, т. е. его своеобразии на фоне предшествующей традиции, воздействие на последующую литературную историю и его рецепцию современниками и потомками» (Бухаркин 2013: 67).

Наблюдения и выводы участников проекта, подготовленные ими двуязычные индексы терминов гуманитарных наук, нашли

свое применение, помимо упомянутого выше словаря «Риторика М. В. Ломоносова», в процессе составления словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» (ответственные редакторы К. А. Филиппов и С. С. Волков). Приведем в качестве примера несколько словарных статей из тома, уже подготовленного к печати, предварив их кратким пояснением целей и задач этого словарного издания и его метаязыка¹⁷:

- Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова представляет собой исторический авторский толково-переводной словарь. Мультилингвизм был естественной, неотъемлемой частью языковой личности Ломоносова: сознательно приобретенный им немецкий язык (Ломоносов начал изучать его уже взрослым человеком, когда приехал учиться в Германию в 1736 году) стал для него языком делового и профессионального общения, языком передовой научной литературы и языком семьи – его жена, Елизавета-Христина Цильх, немка, уроженка г. Марбурга, переехала в Петербург к мужу в 1743 году. Немецкий язык, помимо сказанного, имел высокий социальный статус: нет необходимости объяснять, что для того, чтобы в те годы стать успешным в своей профессиональной деятельности, т. е. в Академии, нужно было свободно владеть немецким языком.

- Словарь охватывает *все* языковые факты «немецкой компоненты» идиолекта М. В. Ломоносова, засвидетельствованные в его текстах. Он будет объединять в себе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, словарь собственных имен, словарь сочетаемости слов, словарь сокращений, а на последующих этапах осуществления проекта – возможно, частотный, идеографический и обратный словари. Поскольку объем немецкого материала в общем корпусе Ломоносова не так велик, как, например, массив лексико-фразеологических единиц

---

¹⁷ Авторы благодарят канд. филол. наук, доцента кафедры немецкой филологии СПбГУ К. В. Манёрову, активно участвовавшую в подготовке этих материалов.

русского или латинского языка, словарь «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века» будет представлять собой словарь-конкорданс: он включит *все* организованные по леммам словоупотребления немецкого языка М. В. Ломоносова.

- Источник Словаря – тексты М. В. Ломоносова на немецком языке, включенные в Академическое полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 11-ти томах (т. н. первое издание 1950–1959, 1983), а его эмпирическая база – полный электронный лемматизированный конкорданс. Это в основном личные и деловые письма, заметки, научные отчеты и документы. В будущем могут быть исследованы переводы Ломоносова, а также тексты на немецком языке, формировавшие дискурс Ломоносова.

- При работе над словарем составители исходили из следующих теоретических правил: 1) принцип двуязычности словаря: он включит не только всю лексику всех текстов М. В. Ломоносова на немецком языке, но и предоставляет пользователю переводы (толкования) этих слов на современный русский язык; 2) принцип построения информативного лексикографического описания слова: оно отразит общеязыковое, терминологическое, эстетическое и, если имеется, частное/личностное содержание; 3) принцип подробной демонстрации сочетаемости слова в идиолекте учёного: метаязыковым знаком $\blacklozenge$ вводятся устойчивые словосочетания разных типов, в т. ч. фразеологизмы, перифразы, сложные термины, аналитические сочетания и пр.; 4) наличие реально-исторических (историко-культурных) и историко-лингвистических комментариев: знаком $\square$ вводится научный комментарий, знаком $\sphericalangle$ – комментарий редакционной коллегии относительно особых случаев словоупот-

ребления Ломоносова, знаком – ломоносоведческий комментарий, т. е. комментарий словарных единиц, так или иначе связанных с фактами биографии и творческого наследия великого русского ученого; 5) «параллельные контексты» – случаи «автоперевода» Ломоносова, т. е. те уникальные случаи реального функционирования его билингвизма, когда Ломоносов сам переводит текст, напи-

санный им на немецком языке, на русский язык. Параллельные контексты вводятся знаком ⇔; б) наличие справочного отдела (этот раздел словарной статьи вводится знаком) , в котором показана фиксация заголовочного слова в словарях немецкого языка XVIII века: в словаре Иоганна-Христофа Аделунга «Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart» (1774–1786) и Иоганна-Генриха Цедлера «Großes vollständiges Universal Lexicon aller Wissenschaften und Künste» (1732–1750). Таким образом демонстрируется языковой фон слова, соответственно индивидуальное в словаре связывается с общеязыковым.

- Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова отличается от традиционных словарей языка писателей особой формой демонстрации заголовочного слова. Немецкий язык был неродным для Ломоносова, его билингвизм формировался в течение длительного времени, причем этот процесс можно разделить на несколько этапов (обучение в Германии, общение в семье, служба в Академии наук, где, безусловно, преобладало профессиональное, научное общение и деятельность как переводчика). Составители и редакторы словаря считают, что *достоверно* установить («восстановить») исходную (заголовочную) форму слова немецкого языка XVIII века достаточно трудно, несмотря на все имеющиеся знания и сведения. Такая исходная форма всегда будет оставаться в какой-то степени условной. Нужно помнить о том, что, во-первых, немецкий язык этого времени находился в состоянии формирования национальной нормы, во-вторых, он все-таки оставался неродным (можно сказать, вторым, но доминирующим) для Ломоносова. Именно по этим причинам словарная статья начинается не с леммы (заголовочного слова), а со словоформы немецкого языка Ломоносова, входом в словарь при этом для удобства пользователя является слово современного немецкого языка (так легче найти). Таким образом, во главе словарной статьи стоит словоформа или совокупность словоформ оригинальной (!) орфографии Ломоносова, отличающейся порой от принятого написания.

Anfall

ANFÄLLE (1) *Sub, m.*

♦ *В форме множественного числа: нападки, упреки.*

В письме М. В. Ломоносова Леонарду Эйлеру, написанном в феврале 1765 года – о конфликте в Академическом собрании по поводу обсерватории, находившейся в то время под управлением проф. С. Я. Румовского.

U[e]brigens meine harte Ausdrücke werden Sie mir nicht verdenken, denn sie stammen von einem durch unerhörte Bosheit meiner Feinde erbitterten Herzen her, derer gottlose Anfälle will ich Ew. Hoch... kürztlich für die Augen legen (10, 596).

 Anfall (Ad), **Anfälle** (Zd).

Angenehm

ANGENEHM (1) *Adj.*

♦ *Приятный, привлекательный, достойный любви, уважения.*

Daß die Ehre der Academie der Wießenschafften Ew. Ex. sehr angenehm ist, und daß dieselbe neben Ew. Ex. als dem Oberhaupte in den Gliedern derselben bestehet, ist unstreitig (10, 459) ⇔ Что честь Академии Наук вашему сиятельству любезна и что она по вашем сиятельстве, яко главе, состоит в ее членах, сего никто не оспорит (10, 458).

– Ср. **ЛЮБЕЗНЫЙ**: ♦ *Милый, дорогой, любимый; приятный.* Вы, приятные поля и леса, тогда только прекрасною одеждою покрываетесь, ободряете члены и услаждаете чувства наши, когда любезная теплота, кротким своим пришествием разогнав морозы и снега, питает вас тучною влагою (2, 358). Святослав... говорил с матерью о своих намерениях и притом объявил ей и боярам: «В Киеве жизнь мне не нравна; затем пойду на Дунай в Переяславец, где середина моего владения и всякое изобилие ко мне собирается» ... Ольга, проливая слезы, представляла: «Что оставляешь нас, любезный мой сын, сирых?» (6, 239).

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святыя
Елисавет тебе дана (8, 147).

📖 **angenehm** (Ad), **angenehm** (Zd).

befürchten

BEFÜRCHTETE MICH (1)

Vb, schw, refl.

♦ *Опасаться.*

In der gantzen Stadt war verbothen uns was zu lehren, und ich befürchtete mich einer größeren Verfolgung und Unglück (10, 424).

✍ Ломоносов, возможно под влиянием русского языка, употребляет переходный глагол как рефлексивный и с родительным падежом вместо винительного. – *Ред.*

📖 **befürchten** (Ad).

Berg

BERGE (1)

Sub, m.

♦ *Гора.*

Die Historia naturalis aber ist nicht in des H. Henkels Stube aus Fä-chen u[nd] Kästgen zu erlernen, sondern man muß selbst verschiedene Bergwerke besuchen, die Situation derer Gegende, die Beschaffenheit der Berge[n] und des Erdreichs und die Relation der Mineralien, die darin liegen, gegen einander betrachten (10, 426–427).

✍ Ломоносов употребляет правильную форму Berge (Pl. Genitiv), форма Bergen (?) предлагается А. А. Куником (см. Куник 1865: 183).

📖 **Berg** (Ad), **Berg** (Zd).

Bibliothekar

BIBLIOTHECARIUS (1)

Sub, m.

Лат. bibliothecarius.

◆ В почтительном обращении к Иоганну Даниилу Шумахеру: *господин библиотекарь*.

Hoch-Edelgebohrner Herr, Hoch geneigter Herr Bibliothecarius! (10, 421)

📖 Иоганн Даниил Шумахер (1690–1761) совмещал должности библиотекаря Библиотеки Академии наук и начальника (советника) Академической канцелярии.

📖 **Bibliothekar, Bibliothecarius** (Ad), **Bibliothecarius** (Zd).

blamieren

BLAMIREN (1) *Vb, schw, tr.*

◆ *Позорить*.

Ich werde alle mahl für die Bemühung von ihrem H. Sohn dankbar bleiben und ferne sey[?], daß ich ihn blamieren oder abschrecken soll; will auf alle Art suchen aufzumuntern (10, 593).

✍️ Правильно: ferne sein – *Ред.*

📖 **Blame:** *zwey ohne alle Noth aus dem Franz. Blame und Blamer entlehnte Wörter* (Ad).

Braunstein

BRAUNSTEIN (1) *Sub, m.*

◆ В списке химических веществ, которые необходимо было приобрести для Химической лаборатории Академии наук (1748): *магнетит, бурый магнитный железняк*.

Магнезии (Braunstein) три фунта (9, 35).

📖 **Магнетит** – (Fe, FeO, Fe₂O₄), минерал класса сложных оксидов, также магнитный железняк (ср. *нем.* magnetischer Eisenstein), гераклионов камень, камень магнит. Назван по месту нахождения в Магнезии (Малая Азия), буквально – камень из Магнезии (Платон, Еврипид). Физические свойства: сингония кубическая, твердость 5,5–6, плотность 4,8–5,3. Блеск металлический, непрозрачный, хрупкий, сильно магнитен. Является важнейшей железной рудой.

В 1748 году по указу императрицы Елизаветы Петровны в Санкт-Петербурге на Васильевском острове по проекту И. Я. Шумахера и М. В. Ломоносова была построена Химическая лаборатория Академии наук. Ломоносов длительное время лично занимался обеспечением Лаборатории необходимым научным оборудованием и закупкой материалов для химических опытов. Возможно, что, зная о способности магнезии придавать стеклу окраску, Ломоносов заказал этот минерал для будущих опытов по изготовлению цветного стекла.

– Ср. **МАГНЕЗИЯ**: Магнезия с красноватыми пятнами; из Гарцких лесов (5,79). *Magnesia maculis rubellis aspersa. Ex Sylva Hercynia* (Ed. 1745, 145) ⇔ Магнезия цветом черна впросинь.. Будучи с зеленым простым стеклом в малом числе соединена, дает ему хрустальную светлость и прозрачность, а больше надлежащего примешана, производит цвет вишневый (5, 423).

📖 **Braunstein**, Schwarzstein, Eisenglanz, Eisenstein (*ein jeder Stein, welcher Eisen enthält. In engerer Bedeutung werden nur die reichhaltigen Eisensteine, welche schmelzwürdig sind, mit diesem Nahmen beleget, Eisenerz*), *Magnesia vitriariorum* (Ad).

dogmatisch

DOGMATISCHE (1) *Adj.*

◆ **Dogmatische Physik** (ср. theoretische, rationale Physik) – система теоретической физики Х. фон Вольфа.

Nunmehr aber Collegia über die dogmatische Physik und Logic bey ebendem H. Regierungs-Rath Wolff[f] hören (10, 363).

📖 **dogmatisch** (Zd).

– Ср. *лат.* (только в сокращенной форме): *Cohaesionem massularum corporis solidi a nisu aequali in directiones contrarias sese movendi dependere demonstravit clarissimus Wolfius* (*Cosmol.*, § 291, et

Phys. dog., § 45). Lemma II § 43. Dantur interstitia in corporibus ab ea materia ex qua constant, vacua, eaque replentur alia quadam materia fluida insensibili (Phys. dogmat., § 36 et 7). (1, 42)

– Ср.: **ДОГМАТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА**: Манометров при метеорологических наблюдениях по сие время физики не употребляли, хотя они великую пользу подать могут, что в догматической физике видно (1, 457).

Учение о догматической физике изложено Х. фон Вольфом в трех книгах: 1) Vernünfftige Gedancken von den Wirkungen der Natur. Halle, 1723 («Благоразумные мысли о действиях природы». Галле, 1723); 2) Vernünfftige Gedancken von den Absichten der natürlichen Dinge. Halle, 1724 («Благоразумные мысли о назначении природных вещей». Галле, 1724); 3) Vernünfftige Gedancken von dem Gebrauche der Theile des menschlichen Leibes, der Thiere und Pflanzen. Frankfurt und Leipzig, 1725 («Благоразумные мысли об употреблении частей человеческого тела, животных и растений». Франкфурт и Лейпциг, 1725).

 Dogmatische Physik (Physikalisches Wörterbuch von Johann Samuel Traugott Gehler 1798: 109).

Duysing

DUYSING (2) *Eigenname*.

✦ Юстус Герхард Дуйзинг (*Justus Gerhard Duysing, 1705–1761*) – профессор медицины Марбургского университета, читавший студентам из России лекции по химии. Ю. Г. Дуйзинг был свидетелем на церемонии заключения брака между М. В. Ломоносова и Е. Х. Цильх в Германии.

Als rapportiren wir hiemit unterthänigst, daß, nach dem wir hier in Marburg den 15ten Nov. n. St. 1736 angekommen, wir sogleich bey einem hiesigen Doctore Medicinae Conradi ein Collegium Chymiae

theoretico-practicum für 120 Thaler bedungen, worinnen er uns Stahlis Fundamenta Chymiae lateinisch erklären, und die darin vorkommende Experimenta in Praxin bringen sol[1]te, Weil er aber praestanda weder praestirte, noch praestiren kon[n]te, so haben wir daßelbige Collegium mit Gutbefinden des Herrn Regierungs-Raths Wolffs nach 3 Wochen aufgegeben, und sind im Januario dieses 1737ten Jahres in ein Collegium Chymiae publicum, welches der hiesige professor Duysing über Teichmeyers Institutiones Chymiae hält, und noch fortfähret, gegangen (10, 361–362).

Als rapportiren wir hiemit allerunterthänigst, daß nach abfertigung unsers vorigen Rapports wir bey dem H. Regierungs-Rath Wolf[f] die Mechanic, Hydrostatic, Aerometrie und Hydraulic, und beym H. Doktor Duysing das Collegium Chymicum theoreticum absolviret (10, 363).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Н. Ю. Лев Борисович Модзалевский и его вклад в изучение Ломоносова // Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук: из истории русской литературы и просвещения середины XVIII века. СПб., 2011. С. 349–368.

Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / пер. с фр. Ю. С. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л., 1991.

Бакулина А. С. Иоганн Кристоф Готтшед как нормализатор немецкого литературного языка XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Бакулина А. С. И. К. Готтшед: рационализм в языке, искусстве, литературе // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета (ПСТГУ). Серия III: «Филология». 2007. Вып. 3 (9). С. 64–73.

Блок Г. П., Макеева В. Н., Сазонова Л. И. Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. СПб., 2011. С. 645–658, 662–718.

Белл Э. Т. Творцы математики. М., 1979.

Будагов Р. А. Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI – XVII вв. // Вопросы языкознания. 1956. № 5. С. 10–21.

Бурыкин А. А. Электронная библиотека для исследований в области русской лексикологии и лексикографии: опыт работы, перспективы пополнения, возможности использования // Информационные технологии и письменное наследие. E1'manuscript-10. Мат. Междунар. науч. конф. Уфа, 28–31 октября 2010 г. Уфа; Ижевск, 2010. С. 36–41.

Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова как явление литературы // Varietas delectans: Сб. статей к 70-летию Н. Л. Сухачева. СПб., 2012. С. 106–115.

Бухаркин П. Е. «Краткое руководство к красноречию...» М. В. Ломоносова: литературный статус и некоторые проблемы филологического изучения // Филологическое наследие М.В. Ломоносова: коллект. монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2013. С. 36–71.

Бухаркин П.Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб., 2011.

Вафеев Р. А. Из истории двустороннего русско-немецкого двуязычия // Вестник юргского государственного университета. 2009. Вып.1 (12). С 50–55.

Волков С. Св. Несколько заметок о слове «славенский» у М. В. Ломоносова // Российская Академия (1783–1841): язык и литература на рубеже XVIII–XIX веков: Сб. статей. СПб., 2009. С. 26–39.

Волков С. Св. Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII (чтения памяти проф. И. М. Тронского). СПб., 2008. С. 84–90.

Волков С. Св. Трехязычный «Словарь языка М. В. Ломоносова» // Вестник РГНФ. 2012. №3. С. 98–106.

Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / пер. А. Горнфельда // Гейне Генрих Собрание сочинений в 10-ти томах / под ред. Н. Я. Берковского, В. М. Жирмунского, Я. М. Металлова. М., 1958. Т. 6. С. 13–139.

Данько Е. Я. Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век: Статьи и материалы. Вып. 2. М.; Л., 1940. С. 248–275.

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала. В XX книгах. Кн. I–III: Семь свободных искусств / пер. с латинск., статья, примеч. и указатели Л.А. Харитонова. СПб., 2006.

Карпеев Э. П. Ломоносов: краткий энциклопедический словарь / ред.-состав. Э. П. Карпеев. СПб., 2001.

Каталог книг личной библиотеки Ломоносова в Библиотеке Российской Академии наук и других учреждениях Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 2011.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

Копелевич Ю. Х. «Рай для ученых» ... ? (о судьбах первых русских академиков) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 47–68.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961.

Кулябко Е. С. Ломоносовский юбилей 1911 года // Литературное творчество М. В. Ломоносова: исследования и материалы / под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. М.; Л., 1962. С. 300–312.

Крупнин Г. Н. Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век. Альманах 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. К 275-летию Академии наук. СПб., 1998.

Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии пер. П. С. Юшкевича // Лейбниц Готфрид Вильгельм. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1983. С. 47–545.

Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 167–286.

Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // М. В. Ломоносов. Полн. собр.

соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л., 1952. С. 91–388.

Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 587–592.

Ломоносов М. В. Репорт в Канцелярию Академии наук 16 сентября 1749 года (Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера) // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 19–84.

Ломоносов М. В. Российская грамматика // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.; Л., 1952. С. 391 – 582.

Макеева В. Н. М. В. Ломоносов – составитель, редактор и рецензент лексикографических работ // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 109–114.

Манёрова К. В. Немецкий язык М. В. Ломоносова (на примере хронологической отнесенности идиолекта ученого) // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллект. монография. СПб., 2013. С. 418–428.

Манёрова К. В. К вопросу развития немецкой языковедческой терминологии в трудах просветителя Иоганна Кристофа Аделунга (1732–1806) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика, 2013. Вып. 4. С. 78–84.

Манёрова К. В., Корышев М. В. К истории европейского Просвещения: профессор истории и элоквенции И.-А. Гартман // ФИЛОЛОГОС. Елец, 2013. Вып. 18 (3). С. 69–76.

Морозов А.А. М. В. Ломоносов и телеология Христиана Вольфа // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы / под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. М.; Л., 1962. С. 163–196.

Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000.

Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172. С. 167–172.

Ньютон Исаак. Письмо Роберту Гуку 15 февраля 1676 г. // The correspondence of Isaac Newton. / Publ. Royal Soc. at Cambr. Uni. Press. Vol. 1. Cambridge, 1959. P. 135–157 (*перевод авторов*).

Рак В. Д. Возможный источник стихотворения М. В. Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...» // XVIII век. Сборник 10. Л., 1975, С. 217–219.

Риторика М. В. Ломоносова. Проект Словаря / науч. ред. проф. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб., 2013.

Смирнова А. С., Волков С. С. Atomus, monas и corpusculum в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI (Чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2007. С. 278–284.

Соколов В. В. Философский синтез Готфрида Лейбница // Философское наследие. Т. 84. Готфрид Вильгельм Лейбниц. Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М., 1982.

Сорокин Ю. С. Первое поколение филологов в Петербургской Академии наук // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1975. С. 20–36.

Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Издание Императорской Академии наук. Том третий. Санкт-Петербург, 1895.

Сухов А. Д. Материализм Ломоносова // История философии. Вып. 9. М., 2002. С. 3–22.

Сухомлинов М. И. Ломоносов – студент Марбургского университета // Русский вестник. 1861. Т. 31. С. 127–165.

Сухомлинов М. И. Примечания // Ломоносов М.В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1895. С. 18–562 (2 паг.).

Фарман И. П. Идеи немецкого Просвещения и логический язык Христиана Вольфа // Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. С. 112–113.

Фарман И. П. Идеи немецкого просвещения и современные эмансипационные проекты // Философский век. Альманах 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. СПб., 1998. С. 139–166.

Филиппов К. А. «Russische Grammatik» М. В. Ломоносова в историко-культурном и лингвистическом аспектах // Мат. Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Адмони: «Научное наследие В. Г. Адмони и современная лингвистика» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 9–13 ноября 2009 г.). СПб., 2009. С. 259–260.

Филиппов К. А. Грамматические идеи М. В. Ломоносова в контексте европейского научного дискурса XVIII века // Мат. XL Междунар. филол. конф.: Грамматика (Романо-германский цикл) Вып. 15 / отв. ред. А. В. Зеленщиков. СПб., 2011. С. 109–115.

Филиппов К. А. К вопросу о ключевых словах европейского научного дискурса XVIII века // Поликодовая коммуникация: Лингвокультурные и дидактические аспекты: Сб. науч. ст. / под ред. М. А. Акоповой, Н. И. Алмазовой, В. Е. Чернявской. – СПб., 2011. С. 121–132.

Филиппов К. А. Личностные параметры немецкого историко-грамматического дискурса XVIII века // Немецкая филология в СПбГУ. Вып. 3: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С. Т. Нефедова. СПб., 2013. С. 41–52.

Филиппов К. А., Григорьева Л. Н. Немецкий язык в идиолекте М. В. Ломоносова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. М., 2013. С. 257–272.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.

Эйлер Л. Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе, с французского языка ... переведенные Степаном Румовским. Часть 2. СПб., 1774.

Язык и ментальность в русском обществе XVIII века: коллективная монография / отв. ред. В. В. Колесов. СПб., 2013.

Auburger L. Rußland und Europa. Die Beziehungen M. V. Lomonosovs zu Deutschland. Heidelberg, 1985.

Filippov K., Grigorieva L. Michail Lomonossov und die deutsche Sprache und Kultur im XVIII. Jahrhundert. Ein Bericht zu aktuellen Forschungsprojekten über einen russischen Universalgelehrten // Sprache und Sprachen. 2013. H. 45. S. 1–16.

Gottsched J. Ch. Grundlegung einer deutschen Sprach-Kunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des forigen und jetzigen Jahrhunderts. Leipzig, 1752.

Gottsched J. Ch. Grundlegung der deutschen Sprachkunst. Contumax GmbH, 2010.

Gottsched J. Ch. Ausfuerliche Redekunst, nach Anleitung der alten Griechen und Roemer, wie auch der neuern Auslaender, geistlichen und weltlichen Rednern zu gut, in zweenen Theilen verfasst und mit Exempeln erlaeutert. Leipzig, 1736.

Grasshoff H. Lomonosov und Gottsched (Gottscheds «Ausführliche Redekunst» und Lomonosovs «Ritorika») // Zeitschr. für Slavistik. 1961. № 6. S. 498–507.

Habermas J. Die Moderne – ein unvollendetes Projekt? // Kleine politischen Schriften. Frankfurt / M., 1981.

Jakobson R. Closing statements: Linguistics and Poetics, Style in language. New-York, 1960. P. 176 – 234.

Leibniz G. W. Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben, samt beigefügtem Vorschlag einer deutschge-

sinnten Gesellschaft // Leibniz G.W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache: Zwei Aufsätze / Hrsg. v. U. Pörksen; komment. v. U. Pörksen, J. Schiewe. Stuttgart, 1983. S. 47 – 78.

Leibniz G. W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache // Leibniz G. W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache: Zwei Aufsätze / Hrsg. v. U. Pörksen; komment. v. U. Pörksen, J. Schiewe. Stuttgart, 1983. S. 5–46.

Grau C., Winter E. Lomonosov, Schlözer, Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert / Hrsg. v. E. Winter (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, 12). Berlin, 1962.

Rußische Grammatick verfaßet von Herrn Michael Lomonoßow Kayserl. Staats-Rath, der Kayserl. Academie der Wißenschafften zu St. Petersburg wirklichem Mitgliede und Professorn der Chymie, aus dem Rußischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. St. Petersburg, 1764.

Peplier J. R. Nouvelle et parfaite grammaire royale françoise et allemande. Das ist: Volkommene Königl. Französ. Teutsche Grammatica ... verfasst vom Des Pepliers ... verbessert und vermehret vom Pierre Rondeau. Leipzig, 1735.

Strathern P. Leibniz in 90 minutes. Chicago, 2000.

Till D. Leibniz-Rezeption und Leibniz-Übersetzung im 18. Jahrhundert. Zur medialen Konstruktion der Leibniz-Wolffschen Schulphilosophie // Daphnis. № 31. 2002. S. 644–699.

Ricken U. Zum Thema Christian Wolff und die Wissenschaftssprache der deutschen Aufklärung // Linguistik der Wissenschaftssprache. Berlin, 1995. № 4. S. 16–24.

Winter E. G. W. Leibniz und die Aufklärung. Berlin, 1968.

Wolff Chr. Anfangs-Gründe aller mathematischen Wissenschaften /
Fünffte Auflage verbessert und vermehrt. Franckfurt: verlegt in der
Rengerischen Buchhandlung, 1737–1738. Bd. 1–4.

Wolff Chr. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften,
die er in deutscher Sprache von verschiedenen Theilen der Welt-
Weisheit heraus gegeben. 2. Ausgabe. Frankerfurt am Mayn, 1733.

СЛОВАРИ

Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 2. Aufl. 4 Theile. Leipzig, 1793–1801.

URL: <http://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/online/angebot>

Campe J.H. Wörterbuch der deutschen Sprache. Braunschweig, 1807. Bd. 1–4.

Langenscheidt Schulwörterbuch. Großes Wörterbuch Russisch: russisch–deutsch; deutsch–russisch. Moskva, 2004.

Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскій и русскій Леџиконѣ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, 1731.

Weismanns Petersburger Lexikon von 1731. Specimina philologiae slavicae. München, 1982. Bd. I–III.

Johann Heinrich Zedlers Grosses vollständiges Universallexikon aller Wissenschaften und Künste. 1731–1754. URL:<http://www.zedlerlexikon.de/index.html>

Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. I–VI. СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–20. СПб., 1992–2013.

Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–23. М.; СПб., 2004–2013.

СОКРАЩЕНИЯ

АПСС – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. В 11 т. М.; Л., 1950–1983.

Ad – *Adelung J. Chr.* Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. 2. Aufl. 4 Theile. Leipzig, 1793–1801.

Zd – Johann Heinrich Zedlers Grosses vollständiges Universallexikon aller Wissenschaften und Künste. 1731–1754.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) 27
Аристотель (384–322 до н. э.) 15
Арно Антуан-младший (1612–1694) 22, 23
Бердяев Н.А. (1874–1948) 19
Берков Павел Наумович (1896–1969) 28
Бильфингер (Бюльфингер) Георг Бернгард (1693–1750) 14
Блок А.А. (1880–1921) 20
Боил (Бойл Роберт, 1627–1691) 11
Бопп Франц (1791–1867) 10
Боровский Я.М. (1896–1994) 18
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) 19
Виноградов Дмитрий Иванович (1720–1758) 15, 26
Вольф Христиан фон, Вольф Х. (1679–1754) 3, 13–21, 22.
Гартман Иоганн-Адольф 27
Гейне Генрих (1797–1856) 14
Готтшед Иоганн Кристоф (1700–1766) 3, 21–31
Исидор Севильский, св. (ок. 560–636) 4, 23
Кларк Сэмьюэл (1675–1729), ученик И. Ньютона, философ
и теолог 11
Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) 27
Конфуций (приблизительно 551–479 до н. э.) 15
Коровин Герман Михайлович (1910–1968) 10, 26, 31
Крайский Петр (Порфирий) (1707–1768) 27
Лансло Клод (1615–1695) 22, 23

- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) 3, 5–13, 16, 18 и др.
- Локк Джон (1632–1704) 11
- Ломоносов Михаил Васильевич, Ломоносов М.В. (1711–1765)
3–6, 10–22, 26, 27, 30, 31
- Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) 19
- Малерб Франсуа де (1555–1628) 24
- Малпигий (Мальпиги) Марчелло (1628–1694) 11
- Меншуткин Борис Николаевич (1874–1938) 17
- Миллер Герхард Фридрих (1705–1783) 13, 31
- Модзалевский Лев Борисович (1902–1948) 27, 28
- Морозов Александр Антонович (1906–1992) 4
- Ньютон Исаак (1643–1727) 3, 5
- Петр I (1672–1725) 6
- Плавт Тит Макций (ок. 254–184 до н. э.) 18
- Платон (428 или 427–348 или 347 до н. э.) 11
- Райзер Густав Ульрих (1719 – после 1754 г.) 15
- Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) 19
- Рурик (Рюрик)
- Сократ (470/469–399 до н. э.) 11
- Стафенгаген Иоганн Лоренц (также Иван Иванович) (1728–
1784) 24
- Сухомлинов Михаил Иванович, акад. (1828–1901) 11, 12, 15,
25–32
- Теплов Григорий Николаевич (1717–1779) 27
- Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 до н. э.) 23
- Тюммиг Людвиг Филипп (1697–1728) 16

Тюренн Анри де Ла Тур д' Овернь, виконт де (1611–1675) 29,
30

Фенелон Франсуа де Салиньяк, маркиз де ля Мот (1651–1715)
28

Флешье Эспри (1632 –1710) 30

Фрейд Зигмунд (1856–1939) 5,

Хабермас Юрген (1929) 5

Цильх Елизавета-Христина (Елизавета Андреевна) (1720–
1766) 33

Чирнгаузен Эренфрид Вальтер фон (1651–1708) 11

Шлейхер Август (1821–1868) 10

Штурм Иоганн Кристоф (1635–1703) 11

Эйлер Леонард (1707–1783) 17, 19

Янг (Юнг) Томас (1773–1829) 10

Научные доклады

*Константин Анатольевич Филиппов,
Сергей Святославович Волков*

М. В. ЛОМОНОСОВ И ЕВРОПЕЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ ДИСКУРС XVIII века:
Г. В. ЛЕЙБНИЦ, Х. ВОЛЬФ, И. К. ГОТТШЕД

Зав. редакцией *Е. П. Парфёнова*
Редактор *Е. П. Парфёнова*
Технический редактор *Л. Н. Иванова*
Компьютерная вёрстка *Л. Н. Ивановой*

Подписано в печать с оригинала-макета 28. 08.2014. Ф-т 60×84/16.
Усл. печ. л. 3,49. Уч.-изд. л. 3,71. Тираж 150 экз.
Заказ №

СПбГУ. РИО. Филологический факультет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Отпечатано в издательстве «Геликон Плюс»
199053, Санкт-Петербург, В.О. 1-я линия, д. 28.
Тел. (812) 327-46-13, 328-20-40.